

Зорина Елена Владимировна, Омарова Лейла Бунияминовна

ВОЗДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА ОСОБЕННОСТИ КОДИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ

В статье анализируются характерные особенности языка науки и языка повседневности в их смысловом взаимодействии, а также способы кодификации продуктов познавательной активности в той и другой сферах. Специфика кодификации языковых конструкций обосновывается через когнитивное моделирование языковых ситуаций, через коммуникативные, глобально-информационные и ценностные факторы. Теоретические модели научного языка в философской методологической литературе рассмотрены в контексте лингвосемантической идентичности национальной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 69-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

В николаевское время модель монотипической архитектурной эстетики эпохи классицизма в сознании российской элиты, в том числе среди членов императорской семьи, под влиянием распространявшегося романтического мировоззрения постепенно замещалась двойственностью художественного сознания, выразившейся в архитектуре в обустройстве в духе романтической свободы своего жизненного пространства, окружающего ландшафта, что наглядно отразилось в парковых и дворцовых сооружениях и ансамблях.

Список литературы

1. **Алексеев М. П.** Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты // Международные связи русской литературы. М. – Л.: Наука, 1963. С. 233-285.
2. **Бенуа А., Лансере Н.** Дворцовое строительство императора Николая I [Электронный ресурс] // Старые годы. 1913. № 7-9. С. 173-196. URL: <http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/tarasov/nic6.htm> (дата обращения: 15.10.2016).
3. **Зайончковский А. М.** Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 5-ти т. СПб.: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1908. Т. 1. 763 с.
4. **Кузнецов С. О.** Адам Менелас на российской земле: возможные пути интерпретации творчества архитектора императора Николая I // Философский век: альманах. 1998. Вып. 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. С. 211-229.
5. **Кюстин А.** Россия в 1839 году. М.: Терра, 2000. 640 с.
6. **Описание праздника «Волшебство белой розы» в Потсдаме 13 июля 1829 года в честь дня рождения Императрицы Российской империи (Александры Федоровны)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raruss.ru/ceremonies/1458-festes-weissen-rose.html> (дата обращения: 05.11.2016).
7. **Watkin D., Mellinghoff T.** German Architecture and the Classical Ideal. 1740-1840. L.: Thames and Hudson, 1987. 296 p.

**EMPRESS ALEXANDRA FEDOROVNA AND ROMANTIC TENDENCIES
IN RUSSIAN ARCHITECTURE OF NICHOLAS I'S EPOCH**

Zhurin Andrei Nikolaevich

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

zhurin.andrew@yandex.ru

The article traces the origins of esthetic views of Empress Alexandra Fedorovna, Emperor Nicholas I's wife, whose world of romantic dream was implemented considerably in New Peterhof, the Crimean Oreanda Palace design, the Winter Palace residential interiors after the fire. The author emphasizes Alexandra Fedorovna's immediate participation in organizing large-scale fancy-dress parties in Russia and Germany, which were elements of romantic architectural space.

Key words and phrases: Empress Alexandra Fedorovna; Emperor Nicholas I; romanticism; eclecticism; architecture; fancy-dress parties.

УДК 740

Философские науки

В статье анализируются характерные особенности языка науки и языка повседневности в их смысловом взаимодействии, а также способы кодификации продуктов познавательной активности в той и другой сферах. Специфика кодификации языковых конструкций обосновывается через когнитивное моделирование языковых ситуаций, через коммуникативные, глобально-информационные и ценностные факторы. Теоретические модели научного языка в философской методологической литературе рассмотрены в контексте лингвосемантической идентичности национальной культуры.

Ключевые слова и фразы: язык; наука; повседневность; кодификация; конструкция; информация; гуманитарная практика; свобода.

Зорина Елена Владимировна, д. филос. н., профессор

Омарова Лейла Буняминовна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

leylaomarova1@gmail.com

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ
НА ОСОБЕННОСТИ КОДИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ**

Проблема кодификации вербальных смыслов научных и повседневных высказываний в современной методологической литературе выявила несколько основных кластеров исследования: когнитивный [14, с. 90-110], символический [1, с. 24-30; 7, с. 207-231; 16, р. 135], межцивилизационный [3, с. 5], культурно-антропологический [10, с. 210; 12]. В каждом из кластеров формируются свои особенности, характеризующие диалектику универсального и уникального в языковой коммуникации. Можно сказать, что диалектика

является той методологической формой, которая достаточно эффективно может дополнить специальные методы исследования антропологических аспектов всего комплекса современной науки, поскольку в конечном итоге проблема языка науки и языка повседневности выводит на идею многомерного человека в усложняющемся мире. Антропологически заостренные знания к концу XX века приобрели столь динамичный характер, что научное решение проблем сравнения и кодификации смыслов в языке было связано не с количественными, а «качественными решениями, гуманитарно-методологическими подходами к поиску и выработке знания, а также соответствующих инструментов и сферы его практической реализации» [15, с. 227]. Иными словами, способы кодификации продуктов научной и повседневной активности человека «привязаны» к ценностному коду культуры, к интернациональным и национальным ее особенностям.

Кодификация языковых конструкций осуществляется в слове и образе. Для науки смыслы реализуются через знаки и символы, опирающиеся на рациональные способности человека. В языке повседневности преобладают чувственно-эмоциональные компоненты, символизм которых связан с иной, чем в научном мышлении, логикой – логикой образа, метафоры, метонимии, смысловой вариативности, парадоксальности. Это не значит, что нет в научном мышлении образности, а в повседневном – рациональности. Дело в типе их соотношения и функционирования: образность научного мышления носит ресурсный характер, а повседневного – экзистенциальный.

Эволюция научного познания кодифицирована в используемых теоретических моделях таким образом, что изменения всегда связаны со спецификой терминологии, отражающей и формулировку научных проблем, и способы их решения. Расшифровка речевых кодов научного мышления ставит целый ряд вопросов: существует ли особый «язык науки», насколько он «интернационален», существует ли идеал научного языка и неповторимый стиль научной прозы, как соотносятся вербальные и невербальные компоненты языка науки? В сущности, эти вопросы возникают и в случае обращения к повседневным смыслам вербально-языкового общения с тем необходимым уточнением, что для языка повседневности этнокультурные и потому лингвoseмантические особенности играют особую роль.

Вначале рассмотрим модели языка науки, которые эксплицируют перечисленные проблемы. Терминологически «язык науки» не имеет однозначной трансляции, поскольку смысл его существенно менялся исторически. Язык науки в Западной Европе приобрел статус элитарного занятия, поскольку в нем присутствовала латинская традиция – универсальная терминология, смыслы научной картины мира, сама номенклатура наук. В общественном сознании к XIX в. этот язык окончательно закрепился в качестве специфического, функционально обусловленного научного стиля, вполне адекватного национальной специфике европейских языков. «Движение к пониманию языка науки как специфической формы существования национального языка было обусловлено как потребностями различных отраслей науки, так и особенностями стилистической системы национального речевого общения» [5, с. 128]. Трансляция, фиксация и кодирование терминов научного языка создали возможность получения «большого объема точной, однозначной и доказательной информации» [9, с. 298]. Однако точная и однозначная информация сама по себе в разных науках выражается в многообразии речевых стилей.

Диапазон языковых средств, используемых в научном изложении, может быть различным. У математиков язык точен, относительно ограничен, символически фиксирован, что ведет к более-менее однозначной формализации смыслов. Труднее физикам, еще труднее биологам и совсем нелегко социальным наукам, которые не могут обойтись без многообразия стилей изложения, без связи с живым национальным языком. Картина еще более усложняется, если учесть, что экзистенциальный «аромат» встроен в процессы кодификации ценностных ориентаций и стандартов. Тем не менее ограничение общего лексикона науки выступает общей тенденцией. Введение терминологии, систематический отбор из литературного языка определенных порядков слов, повторяемость, сокращение, способы логической формализации являются в научном мышлении не только механизмами ограничения научного лексикона, но и одновременно механизмами кодификации научных смыслов.

Конструктивные научно-терминологические комплексы научной терминологии (схематизированные синтаксические конструкции, речевые обороты, связующие элементы логической целостности («из этого следует», «дано» и т.п.)) ясно свидетельствуют о дивергентности языка науки и языка повседневности. Чем сложнее и специфичнее понятийный каркас науки, тем специфичнее набор слов и оборотов. Стоит заметить, что усложнение терминологических конструкций не является аргументом в пользу прироста однозначности понятий. Наука, безусловно, справилась с задачами по ликвидации препятствий на пути терминотворчества. Однако требования стандартности и следования логическим нормам проявили не только преимущества специализированного языка, но вновь возникающие проблемы. Так, выяснилось, что терминологическая насыщенность научного текста, как правило, является скрытой формой ограничения доступа к нему, неким своеобразным возвратом к элитарности науки и непонятности для обывательского сознания. «Глядя на эту “цветущую сложность”, поневоле становишься ретроградом и апологетом старых, ясных и понятных научных стилей изложения» [5, с. 131].

Заметим, что смыслообразование в науке связано с правилами ограничения ввода терминов, в то время как смыслообразование в повседневном языке – с расширением диапазона употребляемых слов. И более широко: дивергентные характеристики языка науки и языка повседневности обусловлены когнитивно-символическими (наука) и ценностно-коммуникативными (повседневность) конструкциями, формирующими культурно-ценностные смыслы.

Интересно, что сама область научной терминологии довольно часто выступает ресурсом расширения диапазона значений и смыслов. Такие специальные термины, как фактор, фаза, хроническая болезнь, вирус и др., проникая в живой язык, создают необычные, но понятные «по умолчанию» словосочетания: «атомарный индивид», «культурная матрица», «компьютерный вирус», «хроническое отставание развития», «эпидемия глупости»,

«интеллектуальный горизонт» и т.д. В данном случае за кодификацию языковых метафор отвечает смысловой сдвиг, который, в свою очередь, указывает на «челночное» движение языка науки и языка повседневности.

Язык науки, являясь базовым компонентом научного мышления в его специфичности, чаще всего выступает синонимом рациональности – логичности, доказательности, системности. Доминирующее место логики языка, и шире – оснований рационального языка науки, обосновано в позитивизме, аналитической философии, структурализме и постструктурализме.

Первоначально задача состояла в том, чтобы понять правила соединения научных терминов и знаков («слов науки») в научное высказывание. Г. Фреге (1848-1925), создавая новую логику высказываний, впервые развел смысл и референцию. Собственно, он был первым, кто «задал музыкальную тональность» всему стило аналитической философии и ее неувыдающему дискурсу [6, с. 127].

Под референцией, являющейся одним из способов кодификации научного языка, скрывается отношение к объектам, которые облачены в научную терминологию. Кодифицированный смысл, в свою очередь, указывает на способ, которым различные термины в высказывании соотносятся друг с другом. Понятно, что высказывание может относиться к одному и тому же объекту, но смысл у них разный, как в знаменитом примере с Венерой – «звездой утренней» и «звездой вечерней». В целом же все представители аналитической философии рассматривали язык как знаковую семиотически организованную систему. Философы, представители аналитической школы последовательно осваивали три направления семиотики: семантику, синтактику и прагматику, причем аналитические высказывания были отнесены к языку семантики. Попутно выяснилось, что истинность высказываний математики и физики различна, поскольку первая – неэкспериментальная наука, и ориентирована она на отношения между знаками (синтактику), в то время как физика – на значение знаков (семантику).

Л. Витгенштейн занял другую позицию, состоявшую в том, что объекты (вещи, мир) соотносятся между собой так же, как и элементы логической картины мира. Различая то, что может быть именовано, высказано, показано, и то, о чем следует молчать, Витгенштейн пришел к мысли, что язык есть граница выражения мысли, переход которой означает поворот к бессмыслице. Получилось так: исследование языка науки является исследованием самого мыслительного процесса [2, с. 24]. Сближение и частичное отождествление языка науки и языка мышления выявило два важных обстоятельства. Во-первых, феномен субъективности был элиминирован из научного языка. Во-вторых, невербальные формы перешли в разряд «по умолчанию». Тем самым сфера ценностей, которой Л. Витгенштейн придавал большое значение, была выведена за пределы научного языка и науки в целом.

Радикальная аналитическая формула бессубъектности научного языка с течением времени смягчилась, и в результате была заложена новая тенденция движения от однозначной кодификации смысла научного языка к многозначности, т.е. к возможностям полисмыслового потенциала. Ярким примером такого движения являются работы позднего Витгенштейна, увидевшего язык в форме жизни и игры, т.е. как форму, несущую в себе ценностный компонент. И, таким образом, в научном языке отразился не столько мир событий, сколько мир поступков, поведения человека («крещение объекта» согласно Витгенштейну – это область языка).

Рефлексивные и дескриптивные процедуры раскодирования смыслов языка нашли отражение в теории речевых актов Д. Остина и Д. Серля. Выяснилось, что речевые акты есть формы действия, а не только формы самовыражения. Осмыслением институализации языковой деятельности занялись У. Куайн, Х. Патнэм, Р. Рорти, Д. Дэвидсон. Ретроспекция показывает, что аналитические концептуальные схемы семиотики постепенно вобрали в себя и прагматику, и соотношение знака и ценности, даже когда прагматика критиковалась. «Свобода порождает ответственность, ответственность направляет свободу» [8, с. 72]. Изменение норм научного познания способно выступить индикатором творческой свободы ученого.

Ценностный сдвиг в философии языка науки обусловлен сформировавшимся контекстом социально-гуманитарной практики, к принципам которой относят человекообразность и коммуникативность. Человек в человекообразных системах (экологических, информационных, социальных) занимает центральное место, и признание этого факта методологами науки выводит стилевые особенности мышления и языка за привычные границы рационального дискурса. Не науки, а ученые, общаясь друг с другом, непрерывно воспроизводят практику языкового общения равноправных субъектов научного познания, ту практику, которая, в свою очередь, стимулирует и субъективные мотивации, и трансформацию смыслов кодированных в языке сообщений.

В наше время возникает противоречие между локальной идентичностью языка и глобальностью «мировой паутины». Каким бы уровнем «сепаратности» ни обладал языковой базис науки, закономерности его трансформации всегда связаны с тенденциями, имеющими место в сфере национальной лингвосемантической национальной культуры. Существенные изменения, внесенные в кодификацию научных смыслов компьютерными технологиями, усиливают механизмы стандартизации, «сленгирования», вариативности, коллажности; информационное пространство сегодня выступает не только транслятором знаний, но и носителем новых мифологем, названных «инфологемами» [11, с. 885]. «Информационные “прививки” вовсе не являются временным “пирсингом” в тело научного языка хотя бы уже потому, что информационно-сетевая составляющая, поддерживающая инновационные линии научного творчества, вплетается в живую ткань национальных языков, срывается с ней, изменяя механизмы формирования научной рациональности и введения в науку в качестве равноправных знаково-символических и понятийно-смысловых единиц, т.е. элементов, возникших исключительно внутри компьютерной, сетевой культуры» [5, с. 134-135]. Однако и в этом случае для научного языка неустраиваемы два основных масштаба – «интернациональность» (общезначимость, адаптивная целесообразность, целостность и специфическая структурированность) и неразрывная связь с живым языком повседневного общения. Тем самым информационная культура выступает для языка науки как стратегическая поддержка владения

информационными базами и общения ученых в режиме реального времени, а для языка повседневности – как один из важнейших способов жизнеосуществления и самоутверждения, в сущности – как цель.

«Язык таит в себе оформленную концептуальность» [13, с. 90]– писал Мартин Хайдеггер. Язык – это важнейший способ существования сознания, потому что индивидуальное сознание формируется только при условии включения человека в мир словесного языка. «Если мыслить, исходя из сущности языка, то это означает, что говорит язык, а не человек. Человек говорит только благодаря тому, что он соответствует языку, согласно посылу судьбы. Но это соответствие есть тот подлинный способ, согласно которому человек принадлежит к просвету бытия... в говорении языка, которое всегда происходит сообразно с бытийным посылом судьбы, бытие сущего по-разному относится к нам самим, т.е. по-разному обращается к нам» [5, с. 163-164].

Чем содержательней и богаче духовный мир человека, тем больше языковых знаков нужно для его передачи. Не стоит упускать из вида, что такой инструмент достаточно консервативен и «антиглобален», особенно в ситуации традиционалистского социума: «Россия, как и любой социокультурный организм традиционного типа, ограничена в трансформации в первую очередь по признаку принадлежности локальной цивилизации, проще говоря, типом своей культурно-экономической целостности» [3, с. 121]. Культурная целостность как раз и задается языковым социокодом, особенно уязвимым на уровне повседневности в условиях глобализации. Например, такие формы кодификации смыслов, как упрощение и стандартизация, оказались адекватными как языку науки, так и языку повседневности.

Экспансия глобальных сетей Интернета в повседневность меняет качество языковой коммуникации, формирует особый тип социальности – сетевой. Этому типу вполне адекватен виртуальный язык. «Именно здесь происходит незаметная инверсия социального и личностного. В глобальной среде формируются каскадные неиерархические ценности сетевого порядка. Каскады (социальные сети, мода, пиар-акции, рекламные “раскрутки” и т.п.) фрагментируют сознание личности, хотя и облегчают переход с одного компьютерного идеального образа-файла к другому, из одной культурной матрицы в другую» [4, с. 6].

Возникновение нового стиля общения «e-homos», так называемое e-общение, стимулировало новые языковые средства и одновременно трансформировало старые. Выработывается интернет-сленг, который переходит и в общеупотребительную лексику (*Ава* – картинка, *бан* – запрет на какие-либо действия и т.д.). Слову как единице языка отводится второстепенная роль, его место занимают символы, такие как «смайлы» (обозначение эмоций), различные знаки препинания (вопрос, восклицание) или просто аббревиатуры (**БМП** – без малейшего понятия, **ДТКП** – для тех, кто поймет).

Упрощение средств общения формирует новый тип сознания – «клиповое сознание», для которого привычные еще недавнему прошлому объемные тексты не интересны и не запоминаются, поэтому приоритетной становится краткая информация, лишённая многомерного смысла. Если «говорит язык, а не человек» (М. Хайдеггер), получается, что в языке прослеживается истинность (свобода) или отчужденность (несвобода, рабство). В этом отношении смыслы свободы, заданные человеку в качестве его культурной «генетики», также лишаются своих традиционных ориентиров, в первую очередь онтологических и экзистенциальных.

Упрощение и сужение значений языка в качестве механизмов кодирования его смыслов в современном обществе не является случайным. Выбор (сознательный или навязанный) «отчужденного бытия» человеком, обитающим в информационном обществе, неизбежно ведет к обеднению языка повседневности. Такое упрощение не может не отразиться на характеристиках свободы. Язык показывает границы свободы мысли и творчества. Внешний (экзистенциальный) и внутренний (психологический) масштабы свободы служат маркерами процесса соприкосновения дескриптивного и рефлексивного в языке, указывая на тот факт, что дивергенция языка науки и языка повседневности постепенно уступает место конвергентности. Конвергенция возможна не только в силу связи между научным и живым языком, но и в результате «давления» ценностного социокультурного кода, даже если он подвергается существенной трансформации.

Список литературы

1. Антонов В. И. Символизация как социокультурная и познавательно- практическая проблема. М., 1992. 151 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
3. Зорина Е. В., Махаматов Т. Т. Макроцивилизационные отношения: современная проекция диалога Запада и Востока: монография. М.: Финансовая академия, 2009. 206 с.
4. Зорина Е. В., Музашвили Д. З. Россия и глобализация: проблемы ценностной трансформации сознания личности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 4. С. 4-10.
5. Зорина Е. В., Омарова Л. Б. Вербальная коммуникация: язык науки и язык повседневности // Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016. С. 128-164.
6. Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000. 320 с.
7. Кассирер Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы // Культурология. XX век: антология. М., 1995. 703 с.
8. Косолапов Р. И., Марков В. С. Свобода и ответственность. М., 1969. 96 с.
9. Лебедев С. А. Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академическая книга, 2004. 320 с.
10. Майленова Ф. Г. Между этикой и психологией. Творчество или буква кодекса? // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. М.: URSS, 2016. С. 210-218.
11. Омарова Л. Б. Информационный фактор в конструировании пространства свободы человека // Философия и культура. 2015. № 6. С. 883-888.
12. Руденко Д. И. Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. С. 101-174.

13. Хайдегер М. Бытие и время [Электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-martin-haydegger/2605-bytie-i-vremya-martin-haydegger/read/page-1.html> (дата обращения: 25.11.2016).
14. Яковлева Л. Е., Коломейцев А. Е. Философия образования: рациональное знание. М., 2014. 139 с.
15. Ярославцева Е. И. Совершенствование человека – некоторые аспекты поколенческого и индивидуального выбора // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. М.: URSS, 2016. С. 219-232.
16. Jung C. G. The Collected Works: 20 volumes. L., 1986. Vol. 5. Symbols of Transformation. 712 p.

INFLUENCE OF GLOBALIZATION AND INFORMATIZATION ON SPECIFICITY OF LINGUISTIC MEANING CODIFICATION

Zorina Elena Vladimirovna, Doctor in Philosophy, Professor
Omarova Leila Buniyaminovna

Financial University under the Government of the Russian Federation in Moscow
leylaomarova1@gmail.com

The article analyzes typical peculiarities of the scientific language and the everyday language in their semantic interaction and means to codify products of cognitive activity in both spheres. Specificity of the linguistic construction codification is justified through cognitive modeling of linguistic situations, through communicative, global-informational and value factors. Theoretical models of the scientific language in philosophical methodological literature are examined in the context of linguo-semantic identity of national culture.

Key word and phrases: language; science; everyday life; codification; construction; information; humanitarian practice; freedom.

УДК 009; 7.04

Искусствоведение

В статье осетинский национальный орнамент и его основные элементы рассмотрены как самобытное явление народной культуры. Богатейшее наследие, дошедшее до осетинского народа из прошлых веков, – орнаментальные элементы на предметах прикладного искусства кобанской культуры – в данной статье рассматриваются как подтверждение глубокой преемственной связи осетинской художественной культуры с культурой скифов, сарматов и алан. Как пример народного творчества анализируются некоторые произведения искусства осетинского скульптора Сосланбека Едзиева.

Ключевые слова и фразы: художественное наследие; орнамент; орнаментальные мотивы; кобанская культура; прикладное искусство.

Зюзина Нонна Геннадьевна

Краснодарский государственный университет культуры и искусств
beatgeneration1988@rambler.ru

ОСЕТИНСКИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ И ИХ ТРАДИЦИОННОСТЬ

Важнейшая задача современных исследователей культурных традиций – сохранение этого бесценного наследия. Одна из основных целей таких исследований – глубинное познание основ народной культуры, то есть извлечение на свет исторических корней духовного мировоззрения предков. Ведь история каждого народа в основе своей опирается на традицию, дошедшую от предыдущих поколений.

Вальдемар Борисович Пфаф по праву считается первым этнографом-осетиноведом, предшественником Всеволода Фёдоровича Миллера. «Я далеко от мысли, – писал В. Б. Пфаф, – брать науку об Осетии на одного себя, как бы в открытое содержание, напротив, я очень рад тому, если найдутся еще другие, быть может умнее и даровитее меня, для разработки этих обширных вопросов» [5, с. 185]. В. Б. Пфаф записывал свои материалы сразу после присоединения Осетии к России, то есть до массового переселения горцев на равнину. В это время уклад жизни осетин-горцев был патриархально-родовым, иными словами, носил традиционный характер, не был модернизирован цивилизацией. Вот как писал о таком образе жизни сам исследователь: «Вообще в кругу своего семейства или рода патриархальный человек ведет жизнь святого, жизнь совершенно безукоризненную, даже лучше людей в семье высоко-цивилизованного общества» [Там же, с. 186].

Возможно, именно поэтому, по мнению исследователя В. Б. Пфафа, осетины сумели сохранить основные черты традиционной духовности своих предков, «остатки времён высочайшей нравственной цивилизации Золотого века» [7, с. 90-96].

В данной статье особое внимание будет уделено осетинскому национальному орнаменту как весьма самобытному явлению, выражающему богатую этнокультурную традицию осетинского народа.

Орнаментальное искусство создаётся народом на протяжении всей его многовековой истории, поэтому оно должно быть изучено наряду с такими элементами культурного наследия этого народа, как фольклор (мифология), национальные традиции, обычаи и т.п.